

Капшутарь Е. С. Особенности перевода современных англоязычных терминов права / Е. С. Капшутарь, М. М. Филиппова // Научный диалог. — 2016. — № 10 (58). — С. 41—53.

Kapshutar, Y. S., Filippova, M. M. (2016). Translation of Modern English Law Terms. *Nauchnyy dialog*, 10(58): 41-53. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.11-112

Особенности перевода современных англоязычных терминов права

© **Капшутарь Елена Сергеевна (2016)**, аспирант кафедры английского языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), elena.kapshutar@gmail.com.

© **Филиппова Маргарита Михайловна (2016)**, кандидат филологических наук, доцент, филологический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), philippova_marga@mail.ru.

Статья посвящена особенностям перевода современных терминов права с английского языка на русский. Авторы приводят теоретический материал, касающийся трудностей и способов перевода терминов. Рассматриваются различные существующие на сегодняшний день способы перевода терминов, а именно: беспереводное заимствование термина, метод интерпретации, трансформационный метод и калькирование, при этом уделяется внимание как моно-, так и полилексемным терминам (терминам-словосочетаниям). Приводится классификация возможных трудностей и особенностей перевода терминов права с английского языка на русский (многообразие способов перевода, неоднозначность трансформационных конструкций, полисемия терминов и контекстуальная зависимость термина). Кроме того, поднимается вопрос о переводе эвфемизмов, а также рассматриваются примеры терминов, основанных на метафоре и метонимическом переносе. Особое внимание в статье уделяется переводу терминов-словосочетаний, с которыми в настоящее время связана наибольшая часть сложностей при переводе. Теоретические рассуждения подкреплены примерами англоязычных терминов и их эквивалентов в русском языке, извлеченных из авторитетных англо-русских юридических словарей. Показано, что, несмотря на многообразие существующих способов перевода терминов, термины права зачастую вызывают сложности ввиду своей специфической природы, а также динамического характера терминологии права.

Ключевые слова: англоязычная терминология права; перевод терминов; термины-словосочетания; эвфемизация; полисемия термина; контекстуальная зависимость термина; особенности перевода терминов права.

1. Введение

Перевод текстов с одного языка на другой является одним из важнейших вопросов прикладной филологии еще с древнейших времен. С развитием науки и техники и, следовательно, отраслевых терминологий появились новые особенности перевода, связанные непосредственно с поиском эквивалентов не просто слов общего языка, а особых языковых единиц — терминов. Среди прочих особенностей терминов исследователи выделяют зависимость от определенной системы взглядов [Лейчик, 2006, с. 101], кроме того, отмечается «важнейшее свойство терминологической информации — ее кумулятивность» [Володина, 2000, с. 22], иными словами — способность накапливать знание. Эти и другие специфические свойства терминов осложняют процесс их перевода с английского языка на русский.

Видится важным привести слова А. Г. Анисимовой о том, что «разграничение между научным и бытовым толкованием понятия и слова принципиально важно в изучении терминологий — в особенности терминологий гуманитарных наук. У некоторых терминов гуманитарных наук терминологические свойства недостаточно полно выражены, а в ряде случаев могут не наблюдаться» [Анисимова, 2008, с. 10]. Отмечается, что главным отличием терминов точных и гуманитарных наук является более специфическая природа первых и, следовательно, меньшее различие между взглядами различных ученых. Таким образом, термины гуманитарных наук часто характеризуются неустойчивостью из-за конфронтации взглядов на обозначаемые ими понятия. Как отмечает С. В. Гринев, «борьба между идеологиями, а также субъективная трактовка понятий приводит к появлению у терминов эмоциональной окраски». Он подчеркивает также, что наиболее устойчивые коннотации могут сохраняться, то есть термин становится независимым от контекста [Гринев-Гриневич, 2008, с. 54—55]

В свое время В. М. Лейчик задал фундаментальный вопрос: «могут ли существовать термины, не зависящие от [определенной] теории?» Он отвечает на него следующим образом: «[могут] в неупорядоченных совокупностях единиц — терминологиях, а в терминосистемах — нет». Таким образом, он разграничивает два важных понятия: «стихийно складывающуюся (сложившуюся) совокупность терминов <...> можно назвать терминологией, сознательно (не искусственно) формулируемую (конструируемую) совокупность терминов — терминосистемой» [Лейчик, 2006, с. 105].

Почему так принципиален статус этой совокупности терминов? Становление терминосистемы права в английском языке происходило в три основных периода: изначально речь шла об определенном наборе оценочной лексики (древнеанглийский период), которая в среднеанглийский период

начала приобретать устойчивые системные черты, а в новоанглийский период превратилась в полноценную терминосистему. Как совершенно справедливо отмечает В. М. Лейчик, «чаще всего наблюдается преобразование терминологии в терминосистему, когда формулируется определенная теория, лежащая в основу описания соответствующей области знания или деятельности». В этом случае «единицами терминологий являются предтермины, единицами терминосистем — термины» [Лейчик, 2000, с. 23]. Окончательное складывание этой терминологии как системы произошло уже в современном английском языке и продолжается по сей день, причем именно сейчас наибольшую актуальность приобретает вопрос возможности перевода терминов с английского языка на другие.

Системность термина, его «вписанность» в иерархию и структуру принципиальны в данном случае потому, что в случае перевода юридических текстов с английского на русский речь идет скорее об установлении межсистемных соответствий между терминами, чем о переводе отдельных единиц.

С теоретической точки зрения, возможность перевода термина с одного языка на другой означает, что у термина в языке-источнике (source language) определен четкий эквивалент, то есть инвариант в другом языке (target language). При этом в идеале ни значение, ни, следовательно, перевод термина не должны зависеть от контекста. Тем не менее на практике ситуация зачастую совершенно иная: словари дают многочисленные варианты перевода того или иного термина, что, конечно, противоречит требованию однозначности, однако объясняется в первую очередь тем, что терминам гуманитарных наук зачастую присуще авторское, индивидуальное понимание термина. При этом выбор эквивалента может быть контекстуально обусловлен.

2. Способы перевода терминов

В целом существуют разные теории относительно того, как можно переводить термины. «В западной науке предлагаются несколько методов перевода терминов, которым присущи специфические коннотации соответствующего иностранного языка: использование функционального эквивалента, свойственного культурным и языковым традициям страны (cultural / functional equivalent); буквальный перевод каждого слова (translating literally / word by word); заимствование оригинального термина языка-источника (transcribing (i.e. borrowing the SL term)); создание неологизма (neologising)» [Анисимова, 2002, с. 139—143]. В российской традиции существуют следующие способы перевода терминов: беспереводное

заимствование, трансформационный перевод, описательный перевод, или интерпретация, и калькирование.

Способ беспереводного заимствования терминов реализуется через транскрипцию или транслитерацию. Примерами являются *бёрглэри (burglary)*, *фелония (felony)*, а также многочисленные латинские выражения: *ад хок (ad hoc)*, *де факто (de facto)*, *де юре (de jure)*. Данный метод, будучи необходимым в отдельных случаях, тем не менее не рекомендуется для широкого применения, поскольку часто происходит излишнее заимствование, в то время как в языке уже существует искомый вариант перевода термина.

Трансформационный перевод является весьма распространенной стратегией при поиске эквивалента специфического понятия. В его основе лежит передача изначального смысла при помощи лексических и / или синтаксических изменений первичной структуры термина. Термин *bench warrant* принято переводить как *приказ об аресте*, несмотря на то что в оригинальном термине нет слова, означающего арест, и именно в этом и заключается трансформация. *Wrong-doer* соответствует русскому *правонарушитель*, несмотря на то, что в языке-источнике в исходном термине нет слов со значением «право». Напротив, в английском термине присутствует элемент *wrong-*, а в русском он передан антонимически — *нарушитель порядка*. Еще одним примером трансформационного перевода является *wanted* — *в розыске*.

Описательный перевод (интерпретация) также широко применяется при переводе безэквивалентной лексики, к которой относятся многие термины английского права. Так, к примеру, для перевода единицы *barrister* (которую, впрочем, иногда транслитерируют — *барристер*) в русском существует аналог *адвокат высшего ранга, имеющий право выступать в суде*. Аналогичным образом, *wayward youth* — *несовершеннолетний, проявляющий непослушание (вид делинквентности несовершеннолетних)*; *appellor* — *лицо, обвиняющее кого-либо, преступник, избивающий своих сообщников*. Обозначения многих реалий, как, например, *Sheriff's Departments* — *Управления шерифов в графствах (местные полицейские формирования в США)*, невозможно перевести без пояснения, поскольку в русском языке таких понятий не существует (здесь и далее материал извлечен из источников: [Колонтаевская, 2000; Мамулян, 1993; Braun et al., 1998]).

Если выше речь шла о различных способах перевода как моно-, так и полилексемных терминов, под калькированием понимается пословный перевод составных частей сложного термина или термина-словосочетания. В этом случае переводятся друг за другом все части:

material evidence — существенные доказательства/вещественные доказательства;

summon a witness — вызвать свидетеля;

search warrant — ордер на обыск;

corpus delicti — «тело»/состав преступления.

3. Сложности и особенности процесса перевода терминов права

Именно в связи с последним рассмотренным способом перевода, калькированием, связано наибольшее количество сложностей. Это объясняется тем, что, во-первых, до 80-х годов XX века положение дел в лексикологии и лексикографии было таковым, что терминами считались в первую очередь однословные единицы, а словосочетания незаслуженно игнорировались. Поэтому, тогда как теория перевода, начавшая развиваться еще в первой половине прошлого века, рассматривала в основном моноксемные термины, термины-словосочетания оказались недостаточно изученными.

К первой особенности (и сложности) перевода словосочетаний относится многообразие способов перевода. Как уже было показано выше, ряд полилексемных терминов переводится более чем одним способом. Чаще всего к таким терминам относятся обозначения следующих реалий: профессии (*barrister* — *барристер*, *определенный тип адвоката*), классификация преступлений (*felony* — *фелония*, *тяжкое преступление*, *misdemeanour* — *мисдиминор*, *нетяжкое преступление*), частные составы преступлений (*burglary* — *бёрглэри*, *кража со взломом*) и отдельные явления, связанные с криминологией (*victim blaming* — *виктимблейминг*, *возложение вины на жертву*). Следует отметить, что выбор способа и эквивалента в данном случае зависит от контекста и от предполагаемого воздействия на аудиторию.

Во-вторых, затрудняет задачу переводчика и многозначность исходного термина. Так, в случае, когда термин в языке-источнике имеет не одно, а несколько значений, ему будет соответствовать несколько эквивалентов в языке перевода: к примеру, *serious injury* — это одновременно и *серьезный ущерб*, и *тяжкое телесное повреждение*. С одной стороны, первый вариант перевода является более общим и подразумевает под собой в том числе и телесные повреждения, с другой — это совершенно разные термины, означающие разные понятия.

Разнообразие конструкций для трансформационного перевода также представляет собой особенность, проистекающую, в частности, из-за различий в строе языка-источника (английский — язык

аналитический) и языка перевода (русский — синтетический язык), и в наибольшей степени проявляется именно при переводе словосочетаний.

Термин *victims of crime Act* — закон о жертвах насилия иллюстрирует следующие модели в исходном тексте и переводе: (сущ + предлог + сущ 2) сущ 3 = сущ 3 + предлог + сущ 1 (твор. п.) + сущ 2 (род. п.), где заключенная в скобки часть является атрибутом, то есть определением, для сущ 3. В переведенной конструкции такая часть отсутствует.

Juvenile justice department — отдел по борьбе с подростковой преступностью иллюстрирует иную модель трансформации: (сущ 1 + сущ 2) сущ 3 = сущ 3 + предлог + сущ 4 (дат. п.) + предлог + прил., произв. от сущ 1 + сущ 5 (твор. п.). Так, в переводе отсутствуют значения терминов, обозначенных сущ 2 и сущ 3, однако введены новые — сущ 4 и сущ 5.

Заслуживают внимания также примеры перевода терминов с аббревиатурами: *NSA surveillance* — наблюдение национальной службы безопасности. Модель трансформации здесь следующая: Аббр + сущ 1 = сущ 1 + прил 1 + сущ 2 (род. п.) + сущ 3 (род. п.), где в аббревиатуре (аббр) заключены прил 1 + сущ 2 + сущ 3, которые «развернуты» в переводе.

Кроме того, часто применяется стяжение при переводе:

Attorney at law — адвокат;

Justice court — суд.

Или, напротив, добавляются новые слова:

Minor crimes — преступления малой или средней тяжести.

Контекстуальная зависимость перевода словосочетаний может быть проиллюстрирована на примере следующих родовых и видовых терминов:

Criminal (прилагательное и существительное):

Criminal addict — преступник, ставший наркоманом (или наркоман, ставший преступником);

Criminal assault — преступное нападение;

Criminal charge — обвинение в преступлении;

Criminal gang — банда преступников.

Несмотря на то, что у всех четырех английских терминов родовым термином является один и тот же — *criminal*, — все четыре термина имеют совершенно разные эквиваленты, объединенные только принадлежностью к одному и тому же общему концепту ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

Evidence:

Expert evidence — показания экспертизы;

False evidence — ложное доказательство;

Indicative evidence — указание на способ получения доказательств;

Superficial evidence — внешние признаки доказательства.

Аналогично предыдущему примеру, английские термины, имеющие одинаковый родовой термин — *evidence*, — но отличающиеся видовой принадлежностью, переводятся совершенно различными конструкциями и способами.

Procedure:

Civil procedure — гражданский процесс, гражданское процессуальное право;

Court procedure — судопроизводство;

Criminal procedure — уголовный процесс;

Emergency procedure — чрезвычайная процедура.

В данном примере *procedure* переводится как процесс, процессуальное право, производство и лишь один раз — как процедура.

Таким образом, как видно из приведенных примеров, очень часто при переводе терминов права на русский язык нет готовых устойчивых конструкций. Кроме того, видовые термины, имеющие общий родовой термин, могут переводиться совершенно различными способами.

Следующими сложностями, с которыми сталкивается переводчик при переводе терминов-словосочетаний, являются особенности образования терминов. Наибольшую сложность при переводе представляют три группы: термины, основанные на метафоре, термины, основанные на метонимии, и эвфемизмы.

Термины, основанные на метафоре, достаточно широко представлены в английской терминологии уголовного права [Капшутарь, 2016, с. 321—326], при этом они часто фиксируются в словарях. Тем не менее между появлением термина и его фиксацией может пройти до 10 лет. Отсутствие термина в словаре являет собой дополнительную сложность при переводе таких единиц. Однако даже в случае, если термин зафиксирован в лексико-графических источниках, возможны трудности интерпретации, связанные с прямым пониманием составных частей термина:

arrest of judgement — не арест, а приостановка исполнения решения;

fishing expedition/trip — не рыбная прогулка, а зондирование почвы, сбор компромата;

miscarriages of justice — судебные ошибки;

straw purchase — покупка через подставное лицо, опосредованное незаконное приобретение оружия (для того, кто не имеет права его приобрести).

Следует отметить, что последний из рассмотренных терминов до сих пор не зафиксирован в англо-русских словарях.

Аналогичным образом выглядит ситуация с переводом терминов, в основе которых лежит метонимический перенос:

cumulative punishment — совокупность преступлений (а не наказаний) (или определение наказания по совокупности преступлений);

bench and the bar — судьи и адвокаты;

bar association — ассоциация адвокатов;

bench trial — судебный процесс без присяжных (то есть с судьей).

Так, в приведенных примерах *bar* и *bench* означают не непосредственно мебель в судебном зале, а тех, кто располагается на ней, то есть, с одной стороны, судью (*bench*), с другой — адвокатов (*bar*).

Наконец, еще одной группой терминов-словосочетаний, которые зачастую вызывают сложности при переводе с английского на русский, являются эвфемизмы.

Существует множество определений термина *эвфемизм*. Среди них, например, такие: «euphemisms are emotionally neutral words or expressions used instead of synonymous offensive, too direct or unpleasant words» [Veisbergs, 2000, p. 773]. О. С. Ахманова в своем «Словаре лингвистических терминов» определяла этот термин следующим образом: «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягченном обозначении какого-либо предмета» [Ахманова, 1996, с. 521]. Как отмечает Шейгал, эвфемистическая номинация «представляет собой результат своеобразного компромисса между семантикой (отражение сущности денотата) и прагматикой (отражение интересов говорящего)» [Шейгал, 2004, с. 189].

Перечень подобных определений с легкостью можно расширить, однако задачей настоящего исследования является рассмотреть особенности эвфемизмов в терминологии права и особенности их перевода на русский язык.

В целом тот факт, что в терминологии уголовного права любого языка присутствуют многочисленные эвфемизмы, не вызывает удивления, поскольку сфера права нередко касается не самых приятных, а зачастую — и табуированных концептов, наряду с такими тематиками, как человеческая анатомия и физиология, медицина, военное дело и другими.

Причиной повышенной «подвижности» плана выражения эвфемизмов является следующий факт: несмотря на то что изначально термин, заменяющий некоторый другой, не имеет отрицательных коннотаций, он часто склонен к приобретению негативного значения (проистекающего из сути описываемого явления или предмета), его нейтральность как бы «загрязняется» коннотациями, и возникает потребность во введении в обиход нового эвфемизма.

Что касается первичного формирования эвфемизмов, исследователи приводят различные теории. Так, Warren утверждает, что процесс эвфемизации связан с двумя видами изменений: плана выражения (*formal innovation*) и плана содержания (*semantic innovation*). В выделенных двух видах изменений существуют также несколько групп. Так, формальные изменения делятся на изменения с помощью словообразовательных средств (*word-formation devices*), фонетических изменений (*phonetic modification*) и заимствований (*loan words*) [Warren, 1996, p. 134].

Что касается исследования эвфемизации в англоязычной терминологии уголовного права, следует отметить, что наиболее часто данная тема поднимается в смежной тематике — международном уголовном праве. Среди терминов, которые привлекали внимание как лингвистов-терминологов, так и юристов, находится термин *ethnic cleansing*, или *disinfection*, а также *collateral damage*. Первые два означают, по сути, одно и то же явление — *геноцид*, *этнические зачистки*, намеренное устранение определенных этнических или национальных групп. Наибольшее распространение эти термины-эвфемизмы получили в 90-е годы во время войны в Косово.

Термин *collateral damage* — *сопутствующий ущерб* — означает жертвы среди гражданского населения в результате военных действий. Широкое распространение это терминологическое словосочетание получило в годы войны в Ираке (2003—2011).

Уильям Лутц в своей статье «*Doublespeak*» приводит пример еще одного такого эвфемизма: в 1984 году в Госдепартаменте США было решено, что в ежегодных отчетах о состоянии дел в сфере прав человека в различных странах мира больше не будет использоваться слово *killing* — *убийство*. Вместо этого будет использоваться выражение *unlawful or arbitrary deprivation of life* — *противозаконное или произвольное / необоснованное лишение (кого-либо) жизни*. Таким образом, говорит Уильям Лутц, Госдепартамент избегает необходимости обсуждать неловкие ситуации, когда происходят санкционированные правительством убийства людей в странах, поддерживаемых США.

Среди терминов права Англии также многочисленны эвфемизмы: так, изнасилование чаще всего заменяется термином *sexual assault*, *carnal knowledge* или монолексемным *ravishment* (*похищение*). В значительной степени распространены термины *capital punishment*, *capital crime*, *capital charge* — *смертная казнь*; *преступление, наказанием за которое является смертная казнь*; *обвинение в таком преступлении*.

Следует отметить также, что часто эвфемизации «помогает» аббревиатура: VOC (*victim of crime*), DWI (*driving while intoxicated*), CPD (*city police*)

department). В юридическом языке в целом и в уголовном праве в частности аббревиатуры получили высокую степень распространения, поскольку они успешно справляются с задачей создания особого языка, непонятного простым людям. При этом перевод таких единиц может представлять определенные сложности уже хотя бы потому, что для перевода частей аббревиатуры необходимо знать ее расшифровку.

Рассмотренные выше трудности перевода терминов-словосочетаний не являются окончательным списком таких особенностей. Кроме того, следует отметить, что подобные трудности встречаются и в переводе моноксемных терминов. Так, одной из основных сложностей перевода терминов в целом является многозначность:

abuse (v) — 1. Злоупотреблять; 2. Превышать;

violate — 1. Нарушать; 2. Насиловать;

violence — 1. Насилие; 2. Принуждение; 3. Физическое насилие; 4. Посягательство; 5. Нападение;

testify — 1. Давать показания; 2. Представить доказательства;
3. Утверждать, заявлять;

steal — 1. Воровать; 2. Красть; 3. Похищать;

racket — 1. Рэкет; 2. Шантаж; 3. Вымогательство; 4. Обман; 5. Мошенничество.

4. Выводы

Несмотря на высокую актуальность такого процесса, как перевод с английского языка на русский, по сей день существует значительный список сложностей, сопровождающих этот процесс. К этим сложностям относятся как структурные особенности терминов (моно- или полилексемные термины), так и особенности плана содержания терминов (термины-метафоры, метонимии и эвфемизмы). Наконец, зачастую эквивалент термина определяется прагматическими причинами.

Следует отметить, что, несмотря на рассмотренные выше основные способы перевода терминов права, переводчики нередко сталкиваются со сложностями перевода конкретного термина в конкретном контексте, что в некоторой мере обусловлено спецификой терминологии. Кроме того, по сей день нет полного перечня устойчивых конструкций, с помощью которых необходимо переводить такие единицы. Наконец, терминология права, продолжая развиваться, пополняется все новыми и новыми терминами, для которые еще нет никаких вариантов перевода, что также являет собой сложность для переводчика.

Литература

1. *Анисимова А. Г.* К вопросу о переводе терминов гуманитарных наук / А. Г. Анисимова // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : МАКС Пресс, 2002. — Вып. 21. — С. 139—143.
2. *Анисимова А. Г.* Теория и практика перевода терминов гуманитарных и общественно-политических наук / А. Г. Анисимова. — Москва : Университетская книга, 2008. — 240 с.
3. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Советская энциклопедия, 1996. — 598 с.
4. *Володина М. Н.* Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) / М. Н. Володина. — Москва : Издательство Московского Университета, 2000. — 128 с.
5. *Гринев-Гриневиц С. В.* Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. — Москва : Академия, 2008. — 304 с.
6. *Капшутарь Е. С.* Метафоризация как средство терминообразования на примере англоязычной терминологии уголовного права / Е. С. Капшутарь // Преподаватель XXI век. — 2016. — Т. 2, № 2. — С. 321—326.
7. *Колонтаевская И. Ф.* Англо-русский криминально-юридический словарь / И. Ф. Колонтаевская. — Москва : Экмос, 2000. — 192 с.
8. *Лейчик В. М.* Проблемы отечественного терминоведения в конце XX в. / В. М. Лейчик // Вопросы филологии. — 2000. — № 2. — С. 20—29.
9. *Лейчик В. М.* Терминоведение : предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — Москва : Либроком, 2006. — 256 с.
10. *Мамулян А. С.* Англо-русский полный юридический словарь / А. С. Мамулян, С. Ю. Кашкин. — Москва : Рэббит, 1993. — 389 с.
11. *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с.
12. *Braun M.* English-Russian Dictionary of Criminal Law / M. Braun, G. Clothier. — London : Greenwood Publishing Group, 1998. — 327 с.
13. *Lutz W.* Doublespeak / W. Lutz // Public Relations Quarterly. — Winter 1988—1989.
14. *Veisbergs A.* Euphemisms in General (Monolingual and Bilingual) Dictionaries / A. Veisbergs // Proceedings of the 9th Euralex International Congress. — Stuttgart : Eurolex. — 2000. — Vol. II. — P. 773—780.
15. *Warren B.* What euphemisms tell us about the interpretation of word / B. Warren // Studia linguistica. — 1996. — V. 46, № 2. — P. 128—172.

Translation of Modern English Law Terms

© **Kapshutar Yelena Sergeyevna (2016)**, post-graduate student, Department of English Linguistics, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), elena.kapshutar@gmail.com.

© **Filippova Margarita Mikhaylovna (2016)**, PhD in Philology, associate professor, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), philippova_marga@mail.ru.

The article is devoted to peculiarities of translation of modern law terms from English into Russian. The authors present the theoretical material, concerning the difficulties and methods of terms translation. The various existing ways of terms translation are discussed, namely borrowing of term without translation, interpretation method, transformation method and calquing, with attention to both mono- and poly-lexemic terms (terms-phrases). A classification of possible difficulties and peculiarities of translation of the law terms from English into Russian is given (many ways of translation, ambiguity of transformational constructions, polysemy of terms and the contextual dependence of the term). In addition, the question is raised on the translation of euphemisms, and also examples of terms based on metaphor and metonymy are given. Special attention is paid to the translation of terms-word combinations, which now encompasses the largest part of the difficulties in translation. Theoretical arguments are supported by examples of English terms and their equivalents in the Russian language, taken from authoritative English-Russian legal dictionaries. It is shown that, despite the variety of existing ways of terms translation, the law terms often cause difficulties due to their specific nature, as well as the dynamic nature of the terminology of law.

Key words: English terminology of law; translation of terms; terms-word-combinations; euphemisation; polysemy of term; contextual dependence of word; translation of law terms.

References

- Akhmanova, O. S. 1996. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
- Anisimova, A. G. 2002. K voprosu o perevode terminov gumanitarnykh nauk.. In: Krasnykh, V. V., Izotov, A. I. (eds.). *Yazyk. Soznaniye. Kommunikatsiya*, 21. Moskva: MAKSS Press. (In Russ.).
- Anisimova, A. G. 2008. *Teoriya i praktika perevoda terminov gumanitarnykh i obshchestvenno-politicheskikh nauk*. Moskva: Universitetskaya kniga. (In Russ.).
- Braun, M., Clothier, G. 1998. *English-Russian Dictionary of Criminal Law*. London: Greenwood Publishing Group. (In Engl.).
- Grinev-Grinevich, S. V. 2008. *Terminovedeniye*. Moskva: Akademiya. (In Russ.).
- Kapshutar, E. S. 2016. Metaforizatsiya kak sredstvo terminoobrazovaniya na primere angloyazychnoy terminologii ugolovnogo prava. *Prepodavatel XXI vek*, 2/2: 321—326. (In Russ.).
- Kolontaevskaya, I. F. 2000. *Anglo-russkiy kriminalno-yuridicheskiy slovar'*. Moskva: Ekmos. (In Russ.).
- Leychik, V. M. 2000. Problemy otechestvennogo terminovedeniya v kontse XX v. *Voprosy filologii*, 2: 20—29. (In Russ.).
- Leychik, V. M. 2006. *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura*. Moskva: Librokom. (In Russ.).
- Lutz, W. 1988—1989. Doublespeak. *Public Relations Quarterly*.
- Mamulyan, A. S., Kashkin, S. Yu. 1993. *Anglo-russkiy polnyy yuridicheskiy slovar'*. Moskva: Rebbit. (In Russ.).

- Sheygal, E. I. 2004. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
- Veisbergs, A. 2000. Euphemisms in General (Monolingual and Bilingual) Dictionaries. In: *Proceedings of the 9th Euralex International Congress*. Stuttgart: Eurolex, II. (In Germ.).
- Volodina, M. N. 2000. *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina (na materiale terminologii sredstv massovoy informatsii)*. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta. (In Russ.).
- Warren B. 1996. What euphemisms tell us about the interpretation of word. *Studia linguistica*, 46/2: 128—172.